

ление на печатание книги. На конце книги под заглавием „Знай сам себя“, печатанной в 1480 году, присоединено следующее: „Мы, Морфей (sic) Жирардо, божим милосердием патриарх венецианский, первенствующий в Далматии, по прочтении вышеписанных господ, свидетельствующих о вышеписанном творении и по такому же оного заключению и присоединенному доверению, также свидетельствуем, что книга сия православна и богобоязлива“. Древнейший монумент ценсуры, но не древнейший безумия!» (315—316).

Опустив известия Бекмана о книгах, напечатанных в Кельне до 1479 г., Радищев переходит прямо к мандату майпцского архиепископа Бертольда (1486 г.), содержащему «древнейшее о цензуре узаконение, изданное в том самом городе, где изобретено книгопечатание». «Предузнавали, — говорит он, — монашеские правления, что оно будет орудием сокрушения их власти, что оно ускорит развержение общего рассудка и могущество на мнении, а не на пользе общей основанное, в книгопечатании обрящет свою кончину. Да позволят нам здесь присовокупить памятник, ныне еще существующий на пагубу мысли и на посрамление просвещения» (316—317). Памятник этот напечатан в издании «Кодекс дипломатический документов, превосходно иллюстрирующих дела могунтвские, франкские, треверианские, гассиакские и соседних стран и не только германское право и историю священной римской империи, том IV. Из мрака вызвал к свету, расположил и снабдил примечаниями Валентин Фердинанд священной римской империи барон Гуденус, ассессор имперской камеры». Франкфурт и Лейпциг, 1758.¹ Радищев указывает под строкой «Кодекс дипломатический, изданный Гуденом, том IV» и дает в тексте безукоризненный перевод мандата (стр. 317—325). Привожу для сопоставления небольшой отрывок:

«Vidimus enim ipsi libros de divinis officis et apicibus Religionis nostre e latina in germanicam linguam traductos, non sine religionis dedecore versari per manus vulgi. Quid denique de sacrorum canonum legumque preceptis. Que, etsi a jure consultis, viris utique prudentissimis atque eloquentissimis, aptissime limatissimeque scripta sint, tantam tamen scientia ipsa habet nodositatem, ut etiam eloquentissimi sapientissimique hominis extrema vix sufficiat etate»

«Мы видели книги, до священных должностей и обрядов исповедания нашего касающиеся, переведенные с латинского на немецкий язык и неблагопристойно для святого закона в руках простого народа обрамляющиеся; что ж сказать, наконец, о предписаниях святых правил и законоположений; хотя они людьми искусными в законоучении, людьми мудрейшими и красноречивейшими, писаны разумно и тщательно, но наука сама по себе толико загромождена, что красноречивейшего и ученейшего человека едва на оную достаточна целая жизнь» (318).

¹ «Codex diplomaticus anecdotorum res Moguntinas, Francicas, Treverien-ses, Hassiacas finitimarumque regionum nec non jus Germanicum et S. R. I. historiam, vel maxime illustrantius, tomus IV, ex latebris in lucem produxit, digessit notasque addidit Valentinus Ferdinandus S. R. I. liber baro de G u d e n u s, camerae imperialis assessor. Prostat Francofurti et Lipsiae Typis Ioan. Christoph. Stoehr. Typogr. Aul. Isenb. Budingensis. MDCCLVIII».